

УДК 94(470.57)''1953/1964'':33(045)

*Р.А. Хазиев***«ВТОРАЯ ЭКОНОМИКА» ЭПОХИ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» В БАССР**

Частичная либерализация Н. С. Хрущевым советского общества, отчетливо проявившаяся в реформировании экстремальной версии командной экономики сталинского типа, реализовывавшейся, в частности, в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, вызвала в «эпоху оттепели» неожиданный и не просчитанный властями социальный эффект – общественного запроса на лучшую материальную жизнь. Де-юре, в эпоху «хрущевских реформ» управление народным хозяйством страны осуществлялось с помощью административных средств: команд, директив, квотирования, нормирования, определения планово-целевых показателей и т. д. Де-факто, постсталинского типа командное управление народно-хозяйственным комплексом страны не смогло предотвратить появление теневых элементов, начавших постепенно внедряться в различные сектора социалистической экономики. Центральной идеей в анализе планового народного хозяйства является концепция, что советского типа постнэповская командная экономика последовательно являлась альтернативой «рынку». В статье, на основе новых архивных документов, раскрываются причины смены социальных ориентиров и мировоззренческих представлений на национальной периферии у части советского социума, ставшего в эпоху «хрущевской оттепели» на путь «паразитически-потребленческого обогащения».

Ключевые слова: «Хрущевская оттепель», БАССР, «вторая экономика», теневая торговля, подпольное производство, дефицит, социалистическое планирование.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-198-207

В новейшей отечественной историографии и среди специалистов зарубежного русистического сообщества эпоха «хрущевских реформ» по-прежнему находится в фокусе внимания. Введение в научный оборот массива архивных документов, которые стали доступны исследователям в 2010–2020-х гг., позволяет обратиться к комплексному изучению одной из сложных и дискуссионных тем: «второй экономики» периода хрущевского реформизма в БАССР – регионе-флагмане нефтехимического и машиностроительного производства РСФСР.

В годы индустриализации и особенно Великой Отечественной войны ставка на мобилизационную экономическую модель явилась политико-рациональным выбором и оправдала себя. Командное администрирование экономики, функционировавшей в почти автаркических условиях, позволило социалистическому государству до конца 1930-х годов стать промышленно-развитой державой, а после нападения войск вермахта в июне 1941 г. на СССР победоносно сокрушить фашистскую Германию и ее союзников. В 1941–1945 гг. многонациональный советский народ с честью преодолевая все трудности военных лет, мужественно переживая гибели родных и близких, достойно принимал всевозможные ограничения и лишения ради великой цели – разгромить врага и сохранить Отечество.

После войны ситуация существенно изменилась. Советские люди, победив в ожесточенном сражении нацистский режим, переживали ментальную революцию. Она выразилась в отказе от насаждаемого десятилетиями поведенческого идеала в виде спартанского образа жизни и проявлявшемся заслуженном желании народа-победителя жить комфортно и без каждодневно угнетающего товарного дефицита. Позитивное устремление благоустроить жизнь не всегда достигалось благовидными путями, поэтому, «по объективным причинам, вызванными последствиями войны, происходит рост преступности в экономической сфере» [3, с. 15].

Послевоенный советский социум скептически воспринимал на «полупустой желудок», да еще в условиях бытовой неустроенности, фанфарную идеологию о преимуществах советского строя, социализма и «загнивании» капиталистического общества, погрязшего в мещанском потребительстве. Н. С. Хрущев, решившись на десталинизацию, вероятно, понимал, что экономика мобилизационного типа практически выработала свой ресурс и стала неработоспособной системой в условиях мирного времени. Тем более что «экономические модернизации», на которые решился Н. С. Хрущев, вполне логично утверждали «плюрализм ментальностей и многообразие культурно-ментальных систем» [16, с. 485].

Действительно, советский народ перестал обнадёживаться иллюзиями обещаемых государством материальных благ и удобств. К тому же исторически ушло время, когда легитимность социа-

листического строя можно было подтверждать лишь одной реализацией пропагандистских проектов массового характера. Красочные и грандиозные шествия, военно-спортивные парады и другие яркие театрализованные манифестации, утверждавшие величественный имидж советского государства, не справлялись, как раньше, с ролью социально-политических громоотводов, отвлекавших внимание от «скудности» материально-бытовой повседневной жизни.

В массах не находила отклика и лакированная действительность – наличие в магазинах «шикарных» продуктов и товаров: шампанского, коньяка, «горы икры», крабов, шоколада, духов, ювелирных изделий, меховых шуб и т. д. Эксклюзивные товары, считаясь атрибутами «капиталистической элиты», но свободно продаваемые в СССР для трудящихся, не соотносились с качественным и количественным ростом общего благосостояния населения, с политикой «потребительского равенства», обеспечивающей одинаковые для всех права ценовой доступности продуктов питания, товаров и услуг. Практика административного назначения «посильной цены» на товары и услуги ниже равновесного уровня дохода оборачивалось еще большим ростом спроса, намного превышающим предложение, что только усложняло ситуацию. Многие потребительские товары становились дефицитными искусственно.

Реальное состояние народного хозяйства было таково, что Н. С. Хрущев и «некоторые представители постсталинского правления осознавали недостатки советской экономики» [6, с. 52]. Н. С. Хрущев, как антипод Сталина – вождя в футляре, явился советскому народу не только либерально-реформистским олицетворением ленинского типа, но и «живым», активно себя проявляющим лидером, «с опытами и экспериментами от кукурузы до публикаций Солженицына» [7, с. 173]. Своим энтузиазмом Н. С. Хрущев вдохновлял население страны, демонстрируя, что «искренне хочет улучшить жизнь граждан, победивших в страшной войне» [10, с. 27]; хочет также добиться, чтобы советская экономика и жизнь простых людей соответствовала мировым стандартам.

Руководитель партии и правительства, запуская амбициозные реформы, рассчитывал на всенародную поддержку «снизу» для того, чтобы и самому удержаться на плаву, в условиях существовавшей политической конкуренции. Профессиональные пропагандисты, конечно, мифологизировали нового лидера, вознамерившегося «догнать и перегнать Америку», но народу внушало оптимизм, что Первый секретарь ЦК КПСС очерчивал перспективу, которая позволит не в отдаленной коммунистическом будущем, а при жизни послевоенного поколения достигнуть «высокого уровня жизни на основе социально справедливого и относительного равного, но разумного потребления» [4, с. 26].

Отдельные граждане хрущевскую хозяйственную модернизацию, которая бы «развивалась как капиталистическая экономика за счет внутренних стимулов, но без рыночных механизмов» [14, с. 71], интерпретировали невероятным шансом, открывающим «двери» для личного обогащения. Формирование клана «хрущевских богатых», ставших родоначальниками складывающейся в стране теневой экономики, называемой еще «второй», подпольной, альтернативной, скрытой и т. д., явилось специфическим ответом на недостаточно эффективное планово-социалистическое хозяйствование.

Прежде всего, очаги тайной потребительской экономики стали появляться и патологически распространяться в торговле и общепите. Отдельные работники прилавка, которых в обществе уничижительно называли «торгаши», публично высказывали приверженность парадигме «культурной торговли». В реальности «культурная торговля» подразумевала не право выбора лучших товаров среди множества имеющихся, а потребительское выживание. В 1955 г. для жителей столицы БАССР – Уфы и второго по численности населения города республики Стерлитамака «культурная торговля» означала «радость жизни» в случае покупки в дикой давке белого хлеба [13, ф. 122, оп. 32, д. 1906, л. 1 об]. Поэтому, не только в отдельном городе, а по всей стране, без очередей или «блата», не было ресурсно-продовольственных возможностей удовлетворить не то что избыточный, а стандартизированный спрос на товары промышленного производства и услуги, а самое главное, на продукты питания и, особенно, на хлеб, за что «общественное мнение предъявляло счет политике Хрущева» [2, с. 173].

Однако лично для себя работники прилавка решили особенно не фиксироваться на узком наборе жизненных материальных благ. «Торгаши», исходя из занимаемой должности и доступа к дефицитным товарам, создавали автономно-подпольные оазисы, призванные сполна удовлетворить их формирующиеся потребительские аппетиты. Громогласные призывы различного рода партийных трибунов, что реформы, реализуемые партией и государством, приближают наступление коммунизма, разбивались о прагматизм нарождавшихся «хрущевских богатых». Они отказывались подождать

до светлого будущего, «совершенно оторванного от реальной жизни» [20 с, 126], изъявляя желание «сытно жить» – здесь, сегодня и сейчас.

Индивидуалистические устремления «быть богатыми» сполна проявились и в системе торгов. В торгах БАССР, нередко представлявших закрытую корпорацию, состоящую из близких и дальних родственников, «друзей по жизни» и т. д., процветала система – «своя рука владыка», «один за всех и все за одного». Теневая бизнес-порука, сложившаяся в Стерлитамакском торге, позволила уже в середине 1950-х гг. отдельным сотрудникам конвертировать свои доходные должности в «золотое дно». Иметь доступ к товарам позволяло не только «невообразимо обогащаться», но благодаря получаемым тайным дивидендам обходить «рогатки» многочисленных проверок. Материально простимулированные ревизоры не замечали даже судимости и других тяжкие проступки, при наличии которых сотрудники торгового категорически не имели право занимать материально-ответственные должности [13, ф. 122, оп. 32, д. 2178, л. 113]. В 1950-х гг. государство было уже не в состоянии закрыть все «источники и клапаны капитализма». Вместо прежнего консерватизма массового сознания, табуированного стоицизмом и кодом скромности, как ценностного смысла, на ниве либерализации распространялась идея гедонизма по-советски. Она выражалась в утверждении философии «власти денег» и «счастья денег». Именно обладание «живыми деньгами», и даже не столько товарами, было приоритетом тайных махинаторов в Стерлитамакском торге [13, ф. 122, оп. 32, д. 2174, л. 30–32].

Потребительским меркантилизмом были «заражены» и в Уфгорпромторге. В этой организации явно в меньшей степени думали о том, что обновление социализма станет надежным гарантом поступающего развития страны. На первое место выходило не народно-общественное, а обеспечение личносемейного процветания за счет ресурсов государства. Это тенденция сполна проявилась весной 1955 г. В ходе неожиданной проверки, проводимой по анонимке, возникла реальная угроза потери постоянного источника «левых доходов» как руководством промторга, так и тайными партнерами в низовых торговых подразделениях промторга. К середине 1950-х «клопы капитализма» были уже настолько готовы к любым неожиданностям, что оперативно и продуманно нейтрализовывали попытки ревизоров перекрыть поступление получаемого ими неучтенного дохода. Махинаторы, зная свои узкие места, заранее готовили набор документов. В случае наступления ЧП срочно вписывали задним числом в «заготовки» нужные даты, оставляли в учетных книгах пробелы, позволяющие оформить на нужное число приказы, распоряжения и т. д. Поэтому выявленная при летучих проверках в магазинах промторгов Уфы незаконная реализация ликвидных товаров, на которые не было документов, объяснялось нерасторопностью, а не приступным умыслом, подлежащему уголовному наказанию. Все документы, включая правильно оформленные накладные, приказы и т. д., чудесным образом обнаруживались, т. к. были несвоевременно получены «ответлицом» магазина [13, ф. 122, оп. 32, д. 1912, л. 112].

«Изрядный куш», частным образом получаемый «из кармана государства», стимулировал верхушку торгов разрабатывать сложнейшие схемы, позволявшие искусно прятать «концы в воду» [13, ф. 122, оп. 32, д. 2178, л. 42, 46]. Сотрудники ОБХСС годами не могли распутать невероятные хитросплетения, придумываемые торговыми работниками. Очень часто дела прекращались из-за отсутствия «должного уровня» доказательной базы. Нередко, без всяких на то оснований, сотрудники ОБХСС становились «крайними». Их, во имя спасения «лица социалистической системы», подвергали суровой критике или огульно обвиняли в сговоре с «торгашами», которые беззастенчиво «жируют» за счет трудящихся [13, ф. 122, оп. 32, д. 1959, л. 113, 118, 127].

Высоким уровнем иммунитета от уголовного преследования обладали работники торговли, являвшиеся членами партии. Существовало негласное правило: «на корню гасить», т. е. прикрывать проступки партийцев. Как правило, было два исключения из сложившейся практики: если финансовые аферы члена партии становились достоянием гласности в результате, например, пьяного дебоша или иных антиобщественных проявлений; если теневой оборот достигал размеров крупнооптовых сделок и происходила утечка информации «наверх» – республиканскому начальству или в ЦК КПСС [13, ф. 122, оп. 32, д. 891, л. 33]. В остальных случаях реализовывался сценарий «увода от ответственности» торгового работника-партийца, которого срочно переводили в другую торговую организацию и нередко с повышением по должности [13, ф. 122, оп. 32, д. 1601, л. 37].

Провальными были любые попытки правоохранительных органов, даже во имя «защиты чести мундира», довести до конца уголовное дело торгового работника-коммуниста в случае сопротивления партийных структур. Прокуратура Белорецка осталась при своих ведомственных интересах, не смея противостоять решению Белорецкого горкома КПСС, отказавшегося исключать из партии «про-

воровавшегося торговца». Ни один советский суд не посмел бы посадить в тюрьму действующего члена партии. Горком партии откровенно «отмазал» нужного человека, вынеся порицание, спасшее «хапугу» от худшего – тюрьмы. Судья, «правильно» понимая установку партии, присудил не исключенному члену партии смехотворный приговор. Он обязывал «отступившего» товарища выплачивать символическую сумму из официального оклада, составлявшего сущий мизер по сравнению с получаемым теневым доходом [13, ф. 122, оп. 32, д. 1393, л. 3].

Обладание крупной суммой денег становилось и некой гарантией «заматывания» уголовных дел в суде, заведенных на торговых работников. Проволочки, использование в пользу обвиняемого рукотворно создаваемых юридических казусов, волокита, обжалование, вынесенные протесты, потери материалов из дела, отводы и целый ряд других выверенно продуманных ходов позволяли работникам прилавка оставаться на свободе при вынесении приговоров о лишении свободы. В подобных случаях советская Фемида, имевшая обвинительный уклон, оставалась «бессильной». Попытки прокуратуры довести до конца дела по торговым работникам, которые намеренно «разваливали» в суде, терпели фиаско [13, ф. 122, оп. 32, д. 2178, л. 63].

Централизованное планирование в столько чувствительной для населения сфере как торговая, перманентно находилось в кризисном состоянии по причине несоответствия запросов и показателей, закладываемых в планах. Особенно это было ощутимо в далеких от Москвы регионах, в которых дефицитными в 1958 г. являлись «многие товары повседневного спроса, как продовольственные (мясопродукты, молокопродукты, фруктовая вода, квас, мороженое), так и непродовольственные – промышленные – товары (электролампочки, электроплитки и даже оберточная бумага)» [12, с. 391]. Порочная система назначения исходных данных сверху вниз и бюрократической подстройки низовых плановых структур под мнение начальства приводило к искажению общей картины, изначально предопределяло оперировать недостоверной информацией, убивавшей здоровое начало планирования.

«Спущенные» планы, нередко представляя набор нереалистичных целевых показателей, ставили исполнителей в тупик. Практически всегда возникал вопрос: каким образом достигнуть узаконенных цифр и не получить выговор, закрывающий движение по служебной лестнице, получение премии, выслуг, вручения переходного знамени, орденов, медалей и т. д. Выполнение любого, даже несурового плана, одобренного наверху, являлось священной обязанностью любого коллектива. Решить возникавшую проблему удавалось благодаря теневой экономике. Она позволяла, минуя бюрократические препятствия, негласно закупить нужный для торгов или магазинов товар, материалы и т. д. Следовательно, теневая экономика и план помогала «спасать», и не оставались в накладе сами торговые организации. Они закладывали в цену реализуемого товара траты на взятки, подарки, рестораны и прочие подношения, а также долю личной прибыли.

Другим негативным фактором была первичность политических приоритетов над экономическими. Это выражалось в явной приоритетности разработки планов как по тяжелой промышленности, которая должна преобладать над легкой, так и по любому виду производств в ущерб показателям по потреблению и услуг, оказываемых гражданам. В совокупности происходило планирование по остаточному принципу товаров народного потребления, что неизбежно приводило к проблемам с распределением нужной населению продукции по причине ее недостаточного производства. Высокий спрос при нехватке потребительских товаров постоянно подпитывал «вторую экономику» заниматься теневым перераспределением дефицитных товаров, востребованных советскими потребителями, испытывавших «...смятение, растерянность...», часто не имеющих возможности купить самые необходимые товары...» [11, с. 169]. В эпоху «хрущевской оттепели» теневая экономика, подпольно функционировавшая на рыночных принципах, оперативно реагировала на спрос и предложения, что гарантированно обеспечивало получение неучтенной прибыли теневиками.

Распространение «второй экономики» не ограничивалось торговой сферой, а словно тайный бизнес-спрут с середины 1950-х гг. утверждалось и в производственном секторе народного хозяйства страны. Впервые после нэпа на предприятиях зарождались процессы, которые систематически обнуляли систему планирования, являющуюся фундаментальной основой социалистического способа производства. Главным образом, это проявилось в стремлении производственников получить прямую личную выгоду, невзирая на осознанное нарушение закона. На одном из оборонных заводов БАССР негласно реализовался подпольный бизнес-проект, свидетельствующий о высвобождении коллективного сознания от «страхов сталинизма». В свою очередь, это предопределило формирование мировоззренческой позиции о том, что жить материально-выгодно – это не постыдно. Явное пренебреже-

ние коллективистских устоев и заодно уголовного кодекса компенсировалось теневым доходом. Неучтенная прибыль, подпольно полученная группой лиц на крупном заводе, позволяла купить 50 автомашин «Победа», имевших «баснословную цену в 16 тыс. руб.» [18, с. 61]. Данная марка автомобиля являлась в 1950-х – начале 1960-х гг. высшим мериллом престижа и очевидным подтверждением успеха, достатка и самое главное внутреннего понимания, что жизнь удалась [13, ф. 122, оп. 32, д. 1939, л. 7, 13].

В эпоху «хрущевской оттепели» в сознании инженерно-технических работников и рабочих промышленных предприятий, являвшихся оплотом социалистического общества, не тотально, но, очевидно, на первый план выходило не государственно-общественное, а личная материальная заинтересованность. Не афишируемым лозунгом обновляемого социализма становилось «быть в деле», пусть даже в нелегальном, главное – высоко вознаграждаемом материально. Происходившие в советском социуме ментальные подвижки носили системный характер. Они проявлялись в том, что марксовское – «бытие определяет сознание», конечно, не массово, но, тем не менее, стало воплощаться на практике вне структуры социалистического планирования, а встраивалось в подпольно создаваемую «параллельную экономику». Особенно остро стоявший в небольших населенных пунктах БАССР на повестке дня вопрос о текущем уровне жизни, спровоцировал создание на деревообрабатывающем комбинате Мелеуза подпольного «бизнес-коллектива». Группа «подельников», включая верхушку предприятия, заполучила «на аферах» экстраординарную для того периода сумму. За нее можно было построить 180–185 кооперативных домов, состоящих из двух комнат жилой площадью 38–40 кв. м при общей площади домостроения 55–60 кв. м. [13, ф. 122, оп. 32, д. 203, л. 139].

Теневая экономика, начавшая распространяться в период «хрущевской оттепели», стала со временем значительной частью советской экономической системы. Во многом это было вызвано тем, что директивная экономика, базировавшаяся на централизованном планировании, определявшим производственные показатели и распределение ресурсов в соответствии с экономическими потребностями страны, имела очевидные институционные изъяны, была не совершенной и уязвимой. Прежде всего, это крайне сложная и не прозрачная иерархичная бюрократическая волокита с бесконечными согласованиями, уточнениями, доработками, многоразовым хождением по кругу от одной инстанции к другой, принимающей решения в рамках ее компетенции и делегированных полномочий. Как правило, взятие на местах ответственности на себя «сковывали действия центральных планирующих органов, игнорируя их права и препятствуя реализации хозяйственных интересов экономических районов» [21, с. 157].

Укоренение «второй экономики» определялось и существованием в единой платежной системе страны двух денежных потоков. Значительное число юридических лиц, наряду с безналичными операциями, имели право осуществлять расчеты наличными деньгами. Безналичные «проводки» между организациями были не только прозрачны, но и требовалось проходить круги «бюрократического ада», собирая разрешения на осуществление платежа. Наличные рубли были универсальным платежным средством, позволявшим анонимно решать коммерческие вопросы, не оставляя документальных следов. Тем более что формы отчетности по работе «с налогом» были достаточно примитивны. Они практически не поддавались проверке на подлинность выполнения произведенных выплат. Теневая экономика, являясь «абсолютной зоной» хождения наличных денег, постоянно подпитывалась новыми подпольными «новобранцами». Они были из числа недовольных низкими заработками в государственных учреждениях и желавших разбогатеть «благодаря своей активности, целеустремленности, рискованности, т. е. предприимчивости, пытались получить дополнительные материальные выгоды» [1, с. 10]. В 1953–1964 гг. численность теневиков увеличивалась или уменьшалась пропорционально повышению или снижению экономических показателей в стране. Достаточно низкие первоначальные затраты, вкладываемые в домашнее производство, бесплатное использование государственных ресурсов, используемых для производства «левых товаров», определяли беспроектную стоимостную величину готовой продукции. Ее выгодно было продавать по любой цене: от завышенной до «бросовой» в зависимости от конъюнктуры черного рынка.

В БАССР с середины 1950-х до начала 1960-х гг. теневая экономика распространялась достаточно быстро. Правоохранительные органы республики фиксировали и оперативно докладывали партийному руководству региона о появлении подпольных «богатеев», сколотивших за короткий срок солидные состояния. Формирование в БАССР тайного частного капитала, о котором страна давно забыла, т. к. эпоха нэпа была предана забвению, в высшей степени встревожило первых лиц Башкир-

ского обкома партии. Срочная мобилизация силового блока республики для искоренения «капиталистического зла», долгосрочного успеха не имела [13, ф. 122, оп. 32, д. 1958, л. 16, 107].

Существование в стране теневой экономики определялось ее социальной нужностью, поэтому, власть имущие и разрешали ей быть. «Вторая экономика» по умолчанию выполняла специфическую функцию резервного источника, поддерживающего планово-социалистическое народное хозяйство. Теневая экономика в определенной степени «расшивала» острые экономические моменты, которые могли «провоцировать невыгодные для власти сравнения между декларируемыми целями и унылой действительностью» [15, с. 53]. Парадокс существования в антирыночном социалистическом государстве теневой экономики заключался еще и в том, что партийно-советские управленцы основательно интегрировались со «второй экономикой», а в начале 1970-х гг. и срослись с ней.

Ресурсная база теневой экономики к началу 1960-х гг. достигла такого размаха, что позволяла производственникам, армии снабженцев заводов и фабрик доставать нужные детали, сырье, полуфабрикаты, чтобы предприятия смогли выполнять плановые задания. Не приукрашенная реальность была такова, что в «повседневность рабочего сообщества проникали явления блата, семейственности, натурального обмена и другие реалии "второй экономики", причем как на бытовом, так и на производственном уровнях» [17, с. 17]. «Вторая экономика» стимулировала в принципе зарабатывать, т. к. деньги давали возможность их «отоварить» в теневом секторе на нужные или вожаделенные модные импортные вещи, предметы домашней утвари, приобретать «зарубежную косметику», недоступные в аптеках лекарства и другие товары повышенного потребительского спроса импортного производства на ниве постсталинской – «"реабилитации материальных ценностей» [19, с. 172].

Теневая экономика имела и выраженные негативные социальные последствия, очевидно проявившиеся к середине 1960-х гг. По существу, «вторая экономика» была грозным вызовом однопартийному плановому социалистическому народному хозяйству. Теневой сектор, позволяя тайно зарабатывать, рождая альтернативу выбора для немногих, постепенно раскалывал общество по имущественному признаку. Формирование в советском государстве новой социальной реальности – двухполюсного общества, размежевывающегося по различию в распределении доходов, было мощным, концептуальным ударом по социалистической идеологии, исповедующей доктрину о равенстве доходов. «Хрущевские богатые» параллельно с наращиванием капиталов получали и больше возможностей. Их жизненное пространство (быт, отдых, медобслуживание, культурный досуг, обладание дорогими артефактами и т. д.) благодаря материально-финансовому благополучию значительно расширялось на фоне «безденежья» тех слоев советского общества, которые не имели доступа к тайным доходам. Апогеем кризиса, в том числе разрыва в уровне жизни и доходах, стали трагические события 1962 г. в Новочеркасске: «массовые беспорядки с антисоветскими лозунгами» [5, с. 18].

Пробуксовка «хрущевских реформ» вела не только к росту протестного движения, но по мере сокращения разнообразия и доступности товаров вызвала у населения страны «ползучее» недовольство самим государством. Система фактически сама подталкивала граждан обращаться к услугам теневиков, чтобы решить вопрос с дефицитом продовольствия, промтоваров и услуг. Жизненной обыденностью становились частные подработки, подношения, подарки, оплата без чека, чаевые, выписывание премий и т. д. Подобного рода практики шли в разрез с законом, но стали общепринятым нормативом советской действительности, в которой к середине 1960-х гг. сложилось переплетающиеся сосуществование планово-социалистической экономики и «второй экономики».

Теневая экономика, набрав к середине 1960-х гг. обороты, систематически наносила существенный урон плановому народному хозяйству страны. Участники «второй экономики», мощно простимулированные получаемыми тайными доходами работать на свой «карман», меньше всего думали об общественном благе. Это крайне отрицательно сказывалось на результативности выполнения государственных плановых заданий, поощряло взяточничество, мошенничество, подкуп, без которых, порой, становилось невозможно «выбить» в инстанциях лимитированные товары, оборудование, стройматериалы, разрешение на строительство, согласовать своевременно техдокументацию, без очереди «отгрузиться» на станциях, получить вагоны и т. д.

«Творящееся безобразие» не ускользало от внимания партийных структур «хрущевского набора». Противодействие «второй экономике» сочетало в себе две тенденции. Во-первых, пропагандистски-грозовой по шумовому эффекту, но холостой по эффективности выхлоп в разножанровой гротесковой прорисовке «фельетона, карикатуры, письма, ответа на критику» [9, с. 132]. Во-вторых, объектами для «битья», в рамках очередной кампанейщины, выбирались разоблаченные за хозяйственные

преступления «жульнически-спекулятивные шестерки», «горе-руководители», чинуши-бюрократы, как правило, среднего звена и, конечно, подпитывавшие черный рынок ультрамодно одевавшиеся стилисты, представлявшие «неомолодежную культуру» [8, с. 65]. Пропагандистские залпы и отдельные показательные процессы над «жуликами» не достигали изначальной цели – стойкого формирования у трудящихся мировоззренческого отвращения к «порочной» теневой экономике, большим капиталам, красивой жизни, ресторанной праздности, качественной еде, модной одежде, устроенному и «красивому быту». Вне критики оставалась распределительная экономика, и еще более неприкасаемой темой было текущее состояние народного хозяйства страны, которое после краткосрочного подъема, откровенно стагнировало. Официально никто не хотел, да и не решался признать прямую взаимосвязь между неэффективностью централизованного планирования и экономическими недостатками, просчетами, неудачами и откровенными провалами, которые с существенными социальными издержками сглаживались в конце 1950-х – начале 1960-х гг. теневой экономикой.

Советское государство, имея в 1953–1964 гг. мощнейшие силовые структуры, не смогло и по большому счету не желало реально ликвидировать теневую экономику. Официальное стоическое отрицание «второй экономики» было всего лишь демонстрацией преданности идеалам социализма, которые необходимо было незыблемо отстаивать в целях самосохранения системы. «Хрущевские реформы», по сравнению с годами сталинизма, значительно улучшив благосостояние советских граждан по всей стране, в том числе и в БАССР, не смогли окончательно вывести советскую экономику из зоны «хозяйственной турбулентности». То, что в эпоху «хрущевской оттепели» теневая экономика «подняла голову» как в Центре, так и на местах, было отражением комплекса глубоких политических, экономических и социокультурных структурных проблем, десятилетиями накапливающихся в рамках советской системы. С помощью жесточайшего командного администрирования экономики удавалось нейтрализовать любые проявления частной инициативы, уравниловкой-удавкой блокировать всеобщее использование материального стимулирования. Любые попытки системного решения этих вопросов, по меньшей мере, могли означать ренессанс нэпа, что воспринималось как угроза ползучей реставрации советской системы, разрушение идеалов, составлявших остов существования социализма и, поэтому, было недопустимо.

Подводя итог, следует отметить, что теоретические построения об эффективности командного администрирования народного-хозяйственного комплекса страны разбивались о суровую практику постоянно системного сбоя ввиду отсутствия органического взаимодействия между планированием и управлением. Следовательно, образовавшиеся бреши, в виду несостыкованности или даже конфликтности планирования и управления, заполнялись сегментами теневой экономики. Пропагандистской машине не удавалось до конца справляться с синдромом «желудочного сознания», проявлявшегося в самой природе людей извлекать при возможности выгоду, чтобы улучшить свое материальное положение. Теневая экономика была именно той средой обитания, где советские граждане могли достигать своих целей для удовлетворения своих индивидуальных потребностей. В целом, «вторая экономика» не только компенсировала просчеты, недостатки и провалы планового социалистического народного хозяйства, но исподволь его расшатывало и разрушало, готовя плацдарм для рыночной модели экономики.

Таким образом, дело Ленина, начавшего строить в постимперской России социализм, ставшего революционным ответом на вызов капиталистического мира, пронизанного эксплуатацией и неравенством, при Хрущеве дало основательную трещину, которая на постоянной основе стала заделываться хозяйственно-теневыми методами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрюхин Е. А.* Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2010. № 4–2 (68). С. 9–12.
2. *Белогурова Т. А.* Восприятие личности и политики Н. С. Хрущева как проявление общественного самосознания // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 2–3. С. 170–176.
3. *Блинова В. В.* Уголовно-правовые меры по борьбе с экономической преступностью в послевоенные годы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 35. С. 10–15.
4. *Водичев Е. Г.* Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71.

5. Волков А. П. Хрущевская «оттепель»: некоторые страницы истории // Вестн. Екатеринбургского ин-та. 2016. № 2 (34). С. 15–21.
6. Восканян С. С. Политическое руководство СССР в условиях модернизационных вызовов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 49–53.
7. Злотникова Т. С. Живая власть: от ненависти до любви // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 170–177.
8. Клинова М. А. Отражение нормативных стратегий потребления в советском модном дискурсе 1950–1960-х гг. // Человек в российской повседневности: история и современность: сборник статей VII Междунар. науч.-практ. конф. / под общей редакцией С. Д. Морозова, В. Б. Жиромской. Пенза: РИО ПГСХА, 2014. С. 62–65.
9. Клинова М. А., Трофимов А. В. Советский руководитель: реконструкция образа по материалам журнала «Крокодил» (1953–1964 гг.) // Вестн. Перм. ун-та. История. 2020. № 2 (49). С. 131–146.
10. Лившиц С. А. Некоторые социально-экономические аспекты деятельности СССР в первой четверти второй половины XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 27–29.
11. Мамяченков В. Н. «Продавцы покровительствуют спекулянтам»: борьба органов правопорядка со спекуляцией продовольственными и промышленными товарами в начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 160–174.
12. Мамяченков В. Н., Куликова Е. С. Розничная торговля Свердловской области в 1951–1958 годах // Научный диалог. 2020. № 2. С. 384–402.
13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Фонд 122. Башкирский обком КПСС.
14. Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н. С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71–91.
15. Соловьев Р. А. Некоторые аспекты участия подразделений Советской армии в пресечении массовых беспорядков в 1950–1980-х гг. // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 51–56.
16. Столетова А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) // Научный диалог. 2021. № 10. С. 481–498.
17. Столетова А. С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестн. Вологод. гос. ун-та. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2 (21). С. 17–21.
18. Сухова О. А. «Автомобиль – в личное пользование!»: приобретение автомобилей в СССР в условиях кризиса системы распределения в 1960–1980-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (43). С. 59–66.
19. Твердюкова Е. Д. «Лучшее из доступного»: качество потребительского импорта СССР из социалистических стран центральной и восточной Европы (1950–1980-е гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). С. 171–186.
20. Томилин В. Н. Пропагандистские лозунги и действительность в СССР в период реформ Н. С. Хрущева // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 126–132.
21. Хромов Е. А., Некрасов В. Л. Реформы системы управления и планирования в СССР: перераспределение полномочий, проблемы реализации, результаты (1957–1962 гг.) // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2015. № 5 (38). С. 154–159.

Поступила в редакцию 21.06.2022

Хазиев Рустэм Асхатович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории и государственного управления
ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ)
450076, Россия, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32
E-mail: Khazievra@mail.ru

R.A. Khaziev

“SECOND ECONOMY” OF THE “KHRUSHCHEV THAW” ERA IN THE BASSR

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-198-207

N.S. Khrushchev's partial liberalization of Soviet society was clearly manifested in the reform of the extreme version of the command economy of the Stalinist type. It was implemented in the emergency conditions of the Great Patriotic War. In the “thaw era” it caused an unexpected and uncalculated social effect in the form of a public demand for a better material life. De jure, in the era of “Khrushchev's reforms”, the management of the national economy of the country was carried out with the help of administrative means: commands, directives, quotas, rationing, determination of

planned targets, etc. De facto, post-Stalinist type of command management of the national economic complex of the country could not prevent the emergence of shadow elements. They began to gradually infiltrate various sectors of the socialist economy. The central idea in the analysis of the planned national economy is the concept that the Soviet-type post-NEP command economy has consistently been an alternative to the "market". The article, on the basis of new archival documents, reveals the reasons for the change in social orientations and worldviews on the national periphery among part of the Soviet society, which in the era of the "Khrushchev thaw" took the path of "parasitic-consumptive enrichment".

Keywords: "Khrushchev thaw", BASSR, second economy, shadow trade, underground production, deficit, socialist planning.

REFERENCES

1. *Andryuhin E. A.* Neoficial'noe predprinimatel'stvo v SSSR v 60–80-h gg. XX v. [Private entrepreneurship in the USSR in the 60–80s of the XXth Century] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai state university], 2010, no. 4–2 (68), pp. 9–12. (In Russian).
2. *Belogurova T. A.* Vospriyatie lichnosti i politiki N.S. Hrushcheva kak proyavlenie obshchestvennogo samosoznaniya [Khrushchev's personality and policy in the view of social self-consciousness] // *Problemy bezopasnosti rossijskogo obshchestva* [Problems of security of the Russian society], 2013, no. 2–3, pp. 170–176. (In Russian).
3. *Blinova V. V.* Uголовно-pravovye mery po bor'be s ekonomicheskoy prestupnost'yu v poslevoennye gody [Criminal-law measures to flight economic crime in the post-war period] // *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Scientific works of the Orenburg institute (branch) of the Moscow state law academy], 2018, no. 35. pp. 10–15. (In Russian).
4. *Vodichev E. G.* Ekonomicheskoe neravenstvo i sovetskij egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Hrushcheva [Economic inequality and soviet egalitarianism: the ideas and ideals from Stalin to Khrushchev] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical journal], 2022, no. (74), pp. 63–71. (In Russian).
5. *Volkov A. P.* Hrushchevskaya «ottepel'»: nekotorye stranicy istorii [Khrushchevskaya "thaw": some pages of history] // *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine institute], 2016, no. 2 (34), pp. 15–21. (In Russian).
6. *Voskanyan S. S.* Politicheskoe rukovodstvo SSSR v usloviyah modernizacionnyh vyzovov [Political leadership of the USSR in the conditions of modernization challenges] // *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo* [Society: politics, economics, law], 2017, no. 4, pp. 49–53. (In Russian).
7. *Zlotnikova T. S.* Zhivaya vlast': ot nenavisti do lyubvi [Live power: from hatred to love] // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga philological Bulletin], 2015, no. 2, pp. 170–177. (In Russian).
8. *Klinova M. A.* Otrazhenie normativnyh strategij potrebleniya v sovetskom modnom disкурse 1950–1960-h g [Reflection regulatory strategies consumption in the soviet fashionable discourse 1950s–1960s] // *CHelovek v rossijskoj povsednevnosti: istoriya i sovremennost': sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Man in Russian everyday life: history and modernity: collection of articles of the VII international scientific and practical conference] / Pod obshchej redakciej S. D. Morozova, V. B. ZHiromskoj [By the general editorship of S. D. Morozov, V. B. Zhyromskaya]. Penza: RIO PGSKHA, 2014. pp. 62–65. (In Russian).
9. *Klinova M. A., Trofimov A. V.* Sovetskij rukovoditel': rekonstrukciya obraza po materialam zhurnala «Krokodil» (1953–1964 gg.) [Soviet leader: reconstruction of the image according to the journal "Crocodile" (1953–1964)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald – History], 2020, no. 2 (49), pp. 131–146. (In Russian).
10. *Livshic S. A.* Nekotorye social'no-ekonomicheskie aspekty deyatel'nosti SSSR v pervoj chetverti vtoroj poloviny HKH veka [Some socio-economic aspects of the USSR in the first quarter of the second half of the twentieth century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International journal of the humanities and natural sciences], 2018, no. 2, pp. 27–29. (In Russian).
11. *Mamyachenkov V. N.* «Prodavcy pokrovitel'stvuyut spekulyantom»: bor'ba organov pravoporyadka so spekulyaciej prodovol'stvennyimi i promyshlennymi tovarami v nachale 1950-h gg. (na materialah Sverdlovskoj oblasti) [“Sellers patronize speculators”: the struggle of law enforcement with the speculation of food and industrial goods in the early 1950s. (on the materials of the Sverdlovsk region)] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2016, no. 9 (57), pp. 160–174. (In Russian).
12. *Mamyachenkov V. N., Kulikova E. S.* Roznichnaya trgovlya Sverdlovskoj oblasti v 1951–1958 godah [Retail trade in the Sverdlovsk region in 1951–1958.] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2020, no. 2, pp. 384–402. (In Russian).
13. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB)* [National Archives of the Republic of Bashkortostan (NA RB)]. *Fond 122. Bashkirskij obkom KPSS*. [Bashkir regional committee of the CPSU] (in Russian, unpublished).
14. *Nekrasov V. L.* Sovetskij ekonomicheskij reformizm epohi N.S. Hrushcheva: avtoritarnyj reformator, partijno-gosudarstvennaya sistema i akademicheskoe soobshchestvo [Soviet economic reformism of the Khrushchev era: the authoritarian reformer, the party-state system, and the academic community] // *Novyj istoricheskij vestnik* [The new historical bulletin], 2017, no. 4 (54). pp. 71–91. (In Russian).

15. *Solov'ev R. A.* Nekotorye aspekty uchastiya podrazdelenij Sovetskoj armii v presechenii massovyh besporyadkov v 1950–1980-h gg. [Some aspects of the participation of Soviet Army units in the suppression of riots in the 1950s–1980s] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka state university], 2016, no. 2, pp. 51–56. (In Russian).
16. *Stoletova A. S.* Mental'nost' i stereotipy obshchestvennogo povedeniya v usloviyah obydenosti 1950–1980-h godov (dokumental'nye svidetel'stva evolyucii) [Mentality and stereotypes of social behavior in everyday life of 1950–1980s (documentary evidence of evolution)] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2021, no. 10, pp. 481–498. (In Russian).
17. *Stoletova A. S.* Razmezhevanie proizvodstvennogo sociuma v usloviyah novej obydenosti 1950-h gg. (na primere pisem rabochih v CK KPSS) [Delimitation of industrial society in the conditions of the new everyday life of the 1950s. (on the example of workers' letters to the Central Committee of the CPSU)] // *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda state university. Series: Historical and philological sciences], 2021, no. 2 (21), pp. 17–21. (In Russian).
18. *Suhova O. A.* «Автомобиль – в личное пользование!»: приобретение автомобилей в СССР в условиях кризиса системы распределения в 1960–1980-е гг. [“A car for personal use!”: purchasing cars in the USSR during the crisis of the distribution system in the 1960s–1980s.] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences], 2017, no. 3 (43), pp. 59–66. (In Russian).
19. *Tverdyukova E. D.* «Лучшее из доступного»: качество потребител'sкого импорта СССР из социалистических стран центральной и восточной Европы (1950–1980-е гг.) [«It is best of the accessible»: quality of imported consumer goods of the USSR from the socialist countries of Central and Eastern Europe (1950s–1980s)] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2016, no. 1 (19), pp. 171–186. (In Russian).
20. *Tomilin V. N.* Propagandistskie lozungi i dejstvitel'nost' v SSSR v period reform N.S. Hrushcheva [Propaganda slogans and the reality in the USSR in the period of N. S. Khrushchev's reforms] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and law studies], 2016, no. 3, pp. 126–132. (In Russian).
21. *Hromov E. A., Nekrasov V. L.* Reformy sistemy upravleniya i planirovaniya v SSSR: pereraspredelenie polnomochij, problemy realizacii, rezul'taty (1957–1962 gg.) [The reforms of the system of management and planning in the USSR: the redistribution of power, problems of implementation, results (1957–1962)] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut state pedagogical university], 2015, no. 5 (38), pp. 154–159. (In Russian).

Received 21.06.2022

Khaziev R.A., Doctor of History, Professor,
Institute of History and Public Administration
Ufa University of Science and Technology
Z. Validi st., 32, Ufa, Russia, 450076
E-mail: Khazievra@mail.ru